

Ничто на свете, как утверждают Тит Ливии и все прочие историки, не сравнится в суежности и непостоянстве с людской толпой. Повествуя о делах, часто приходится видеть, как толпа обрекает кого-либо на смерть, а потом оплакивает, сожалея о постигай покойного участи; так поступил римский народ с Манлием Питолином. Он осудил его на смерть, а потом скорбел об этой Утрате. Слова автора

таковы: «Populum brevi, posteaquam ab eo Pencilum nullum erat, desiderium eius tenuit»*. А в другом месте, рассказывая о событиях в Сиракузах после смерти Гиеронима племянника Гиерона, он говорит: «Haec natura multitudinis est-aut humiliter servit, aut superbe dominatur»*.

Не знаю, не взвалю ли я на себя, выступая в защиту предмета, опороченного всеми писателями, такую сложную и неподъемную задачу, что мне придется либо с позором отказаться от нее, либо пострадать за свое упорство. Во всяком случае, я не считаю и никогда не буду считать прегрешением защиту любого мнения с помощью разумных доводов, не прибегая к власти или силе. Итак, я скажу, что изъян, в котором писатели обвиняют массы, можно приписать всем людям по отдельности, а в особенности государю, ибо всякий человек, не следующий законам, натворит столько же ошибок, сколько неуправляемая толпа. В этом можно легко убедиться, потому что существовало и существует много государей, а мудрых и добронравных среди них можно по пальцам пересчитать; я говорю о тех властителях, которые смогли сорвать с себя сдерживающую их узду; к ним нельзя причислять царей, живших в Египте, когда эта страна в своей древнейшей древности была управляема по законам, а также спартанских царей и нынешних королей Франции: эта страна подчиняется законам больше всех известных в наше время монархий. Названные короли, восходящие на престол согласно определенным установлениям, не могут служить примером там, где следует рассматривать природу отдельного человека и судить о том, подобна ли она природе толпы, потому что в их случае для сравнения нужно взять народную массу, подчиняющуюся законам так же, как и они.

Тогда она не уступит им своим добронравием, и мы не увидим в ней ни спесивого властолюбия, ни рабской покорности; таков был римский народ, который, пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, а, напротив, с достоинством нес свое звание, подчиняясь

собственным постановлениям и должностным лицам. А когда надо было восстать против кого-либо из сильных мира, за ним задержки не было, как вышло с Манлием, с Десятью и другими, кто пытался навязать свой гнет; когда же для спасения государства следовало подчиниться диктатору и консулу, народ подчинялся. И если римляне о ясалели о смерти Капитолина, то в этом нет ничего удивительно — они сожалели о его достоинствах, которые были таковы, о память о них нашла бы сочувствие у кого угодно, в том числе у какого-нибудь государя, ибо писатели в один голос говорят, что доблесть вызывает похвалу и восхищение даже у врагов. Но если бы Манлий среди всех этих причитаний воскрес, римский народ вынес бы о нем такое же суждение, как и раньше, когда он вывел его из тюрьмы, а вскоре после этого приговорил к смерти.

Впрочем» и среди государей, считавшихся мудрыми, были такие, кто сожалел о лицах, казненных по их собственному приказу, например, Александр о Клите и других своих любимцах, а Ирод о Мариамне. Но слова нашего историка о природе толпы относятся не к тому народу, который подчиняется законам в Риме, а к разнузданной толпе, как в Сиракузах; ее ошибки подобны ошибкам людей распущенных и взбешенных, вроде уже названных Александра Великого и Ирода. Поэтому природа толпы здесь не более виновна, чем природа государя, ведь заблуждаются все, когда могут себе это позволить. Этому есть множество примеров, помимо приведенных мной, как из жизни римских императоров, так и прочих государей-тиранов; у них мы наблюдаем такие переменчивость и непостоянство, каких никогда не бывало в массах. Итак, я делаю свой вывод вопреки всеобщему мнению, утверждающему, что народы, когда они государствуют, изменчивы, неблагодарны и непостоянны.

По-моему, они не более грешат, чем отдельные государи. Если кто-то адресует подобный Упрек и государям, и народам, возможно, он будет и прав; но, исключив отсюда государей, он впадет в заблуждение, ибо народ, стоящий у власти и правильно организованный, будет столь же ТВЕРД, благоразумен и признателен, как и всякий правитель, а то и в большей степени, чем государь, считающийся мудрым. В то *е «время с государем, не признающим законов, не сравнится в ^благодарности, изменчивости и безрассудстве никакой народ. Различие в их образе действия проистекает не из разности природы ибо во всех она одинакова, и если у кого есть здесь преимущество, так это у народа, — но из большего или меньшего уважения к законам, охватывающим жизнь и народа, и государя. Кто обратится к римскому народу, тот увидит, что на протяжении четырехсот лет он был врагом царского звания и поборником всеобщего блага и славы своей родины; найдется немало примеров свидетельствующих в пользу того и другого.

И если кто-нибудь сошлется на неблагодарность, проявленную им по отношению к Сципиону, я отвечу рассуждениями об этом предмете, уже изложенными выше, там, где доказывалось, что народы не так неблагодарны, как государи. Что же касается благоразумия и надежности, то я скажу, что народ разумнее и надежнее государя, а также обладает более верным суждением. Не зря голос народа уподобляют гласу Божию, ведь всеобщее мнение бывает удивительно прозорливым. Кажется, будто некая тайная способность помогает ему предвидеть хорошее и дурное. Когда нужно судить по существу и выслушивать двух спорщиков, из которых каждый клонит в свою сторону, то, если они одинаково красноречивы, народ очень редко ошибается в своем выборе и не усваивает открывающейся перед ним правды.

Если же он, как говорилось выше, бывает ослеплен воинственными призывами или внешней выгодой, то гораздо чаще бывает и государь увлекаем на ложный путь своими страстями, которых у него куда больше, чем у народов. Также при выборе должностных лиц решение народа основательнее, его не убедишь наделить почетным званием человека бесчестного и дурного нрава, чего легко добиться от государя с помощью тысячи способов. Если что-либо внушает народу отвращение, то с этим чувством он не расстанется веками, чего нельзя сказать о государе. Оба эти положения я хочу подтвердить ссылкой на римский народ; на протяжении столетий, за время стольких выборов консулов и трибунов, не было и четырех случаев, из-за которых народу пришлось бы раскаиваться.

Как я уже говорил, одно упоминание о царях внушало ему такую ненависть, что никакие заслуги гражданина, проявлявшего подобные склонности, не могли избавить его от должного наказания. Кроме того, города, где властвуют народы, в кратчайшие сроки добиваются незаурядных приращений, которые значительно превышают завоевания когда-либо сделанные одним государем; таковы были приобретения Рима после изгнания царей и Афин, когда они освободились от Писистрата. А причину этого следует искать только в том, что правление народов лучше, чем правление государя. И не стоит опровергать мое мнение словами историка в вышеприведенном и других местах, ибо, если рассмотреть все смуты, устраиваемые народами, и все смуты, устраиваемые государями, а равно и славные поступки тех и других, то мы увидим, что народ значительно превосходит государей достоинством и славой.

И если государи стоят выше народов в издании законов, устройстве гражданской жизни, введении новых порядков и установлений, то народы настолько лучше справляются с поддержанием установленных порядков, что они должны по праву разделить славу с законодателями. В общем, чтоб покончить с этим предметом, скажу,

что и монархические государства, и республиканские существовали достаточно долго, причем и те и другие должны были соизмерять свои действия с законами, ибо государь, который руководствуется своими желаниями, безумен, да и народ, который следует своим прихотям, нельзя назвать мудрым. Но если говорить о государе, подчиняющемся законам, и о народе, связанном ими же, то в последнем отыщется больше доблести, чем в государе; если же рассмотреть поступки, диктуемые произволом, то народ натворит меньше ошибок, чем государь, к тому же они не будут столь тяжкими и легче поддадутся исправлению. К бунтующему и распоясавшемуся народу достойный человек может обратиться с речью и легко склонить его на правильный путь; с дурным государем говорить невозможно, против него есть только одно средство — железо.

Отсюда можно судить о серьезности болезней того и Другого: если для излечения народа достаточно слов, а для изучения государя необходим нож, то всякий согласится, что более сильного лечения требуют более запущенные пороки. Когда народ вышел из повиновения, то это его безумство не столь страшно, и сегодняшнее зло не так пугает, как возможные последствия, к тому, что такие смуты рождают тиранов. В случае с дурным государем все наоборот: страшит именно сегодняшнее зло, а будущее сулит надежду; ведь люди думают, что после его нечестивой жизни может возродиться свобода. Вот вам разница между тем и другим, то есть между вещами, которые есть, и теми, которые могут случиться. Жестокость толпы направлена против тех, кто, по ее мнению, покушается на общее благо; жестокость государя — против тех кто покушается, по его мнению, на его добро.

Но предубеждение против народа рождается потому, что о нем всякий может злословить свободно и без опаски, даже при народном правлении; о государе же всегда толкуют с оглядкой и с различными оговорками. И мне кажется весьма уместным, раз уж предмет увлек меня на эту стезю, обсудить в следующей главе вопрос, на какой союз можно больше полагаться — заключенный с государем или подписанный с республикой.